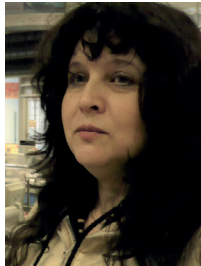

Религиоведение. 2021. № 3. С. 104–117.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 3. P. 104–117.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.104-117

Элбакян Е.С.

*Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119606, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 84
elbakyanes@gmail.com*

Динамика социальных функций религии и религиозности в период пандемии

Аннотация. В статье рассмотрены те метаморфозы, которые произошли в религиозных практиках различных конфессий в период пандемии. Через усиление, благодаря пандемии, динамики социальных функций религии (интегративной, коммуникативной, нормативно-регулятивной, легитимирующей) автор рассматривает изменения в структуре современной религиозности, выделяя и характеризуя три основных типа: институциональную, индивидуальную и индивидуально-институциональную религиозность. Особое внимание автор обращает на индивидуально-институциональный тип религиозности, полагая, что носители именно этого типа религиозности испытали наименьшие психологические проблемы в связи с закрытием церквей, мечетей, костёлов, молитвенных задний. Анализируя социальные функции религии, и, в частности, коммуникативную функцию, автор подробно рассматривает процесс виртуализации религии, значительно усилившийся в последние полтора года («киберрелигия», «онлайн религия»), указывает на тесную взаимосвязь между индивидуально-институциональным типом религиозности и динамикой коммуникативной функции религии, нашедшей отражение, в частности, в усилении виртуализации религии. Ключевую тенденцию в изменении структуры религиозности автор видит в изменении соотношения между тремя её основными типами в сторону процентного увеличения носителей индивидуально-институциональной религиозности.

Ключевые слова: структура религиозности, социальные функции религии, виртуализация религии, индивидуальная религиозность, религия и пандемия

Ekaterina S. Elbakyan

*Institute of Public Administration and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
84 Vernadskogo prosp., Moscow, 119606, Russia
elbakyanes@gmail.com*

Dynamics of Social Functions of Religion and Religiosity During the Pandemic

Abstract. The article examines the metamorphoses that occurred in the religious practices of various denominations during the pandemic. Through the strengthening, thanks to the pandemic, the dynamics of the social functions of religion (integrative, communicative, normative-regulatory, legitimizing), the author examines the changes in the structure of modern religiosity, highlighting and characterizing three main types: institutional, individual and individual-institutional religiosity. The author pays special attention to the individual-institutional type of religiosity, believing that the carriers of this particular type of religiosity experienced the least psychological problems in connection with the closure of churches, mosques, prayer houses. Analyzing the social functions of religion, and, in particular, the communicative function, the author examines in detail the process of virtualization of religion, which has significantly intensified in the last year and a half (“cyberreligion”, “online religion”), indicates a close relationship between the individual-institutional type of religiosity and the dynamics of communicative functions of religion, reflected, in particular, in the strengthening of the virtualization of religion. The author sees the key tendency in the change in the structure of religiosity in the change in the ratio between its three main types towards the percentage increase in the carriers of individual-institutional religiosity.

Key words: structure of religiosity, social functions of religion, virtualization of religion, individual religiosity, religion and pandemic

Процессы, происходящие в современном обществе, связанные с пандемией, буквально сдвинули с места «тектонические плиты», когда даже наиболее устойчивые социальные институты оказались в ситуации динамичных изменений. Одним из таких институтов является религия, а наличие в сознании людей религиозной веры может быть, с той или иной степенью условности, охарактеризовано как религиозность.

Религиозность – одна из важнейших категорий социологии религии, отражающая состояние сознания верующих (как на уровне индивида, так и социальной группы) и обусловленные им модели поведения, образа жизни и т.д.

По сути, религиозность отражает и показывает некую «явленность» религии в социуме как на уровне индивидов и малых социальных групп, так и на уровне общества в целом. Потому нередко религиозность именуют операционально интерпретируемым понятием.

«Операционализация понятий – это исследование существенных и несущественных признаков обозначаемых понятием феноменов и факторов, влияющих на изменение этих признаков, предполагающее выявление более простых элементарных понятий, соотносимых с исследуемыми основными понятиями, а также выявление единиц анализа и единиц измерений. Исследователями выделяются структурная, аналитическая и факторная операционализация» [Операционализация, <https://drafttea.ru/military-id/operacionalizaciya-funkcii-v-prikladnom-issledovanii-kontrolnaya/>].

Конкретизируя содержание понятия «религиозность» можно выделить такие его составляющие, как *критерии* религиозности, фиксирующие её *степень*, т.е. влияние религии на отдельного человека, а также *уровень* религиозности – отношение к религии той или иной социальной группы. *Характер* религиозности выявляет количественные различия религиозности у представителей разных конфессий и социальных групп. *Интенсивность* религиозности указывает на глубину религиозной веры, её эмоциональную окрашенность или, напротив, чисто формальную принадлежность к той или иной религиозной традиции. *Динамика* религиозности отражает её изменения в темпоральном аспекте, предполагающее поэтапную фиксацию и компаративное исследование.

Не останавливаясь в дальнейшем на всех характеристиках религиозности, обратимся к факторной операционализации, предполагающей «определение факторов, которые способны оказывать прямое или косвенное воздействие на явление, которое исследуется» [Исследование, <http://5fan.ru/wievjob.php?id=99602>], и попытаемся, через призму влияющих на религиозность социальных факторов, рассмотреть *структуру религиозности*, связав её не только с общественными процессами, но и с религиозным функционалом.

Известно, что основным цивилизационным трендом в современном мире является глобализация, которая имеет свои позитивные и негативные следствия практически во всех сферах жизни общества разных стран. В том числе и в сфере здравоохранения. События последних полутора лет, связанные с пандемией, яркое тому подтверждение. Открытые границы, большие потоки мигрирующего населения, переполненные аэропорты, вокзалы, гостиницы, рестораны, магазины, музеи, театры во многом способствовали интенсивному распространению опасного вируса, вызывающего болезнь COVID-19.

Следствием возникновения данной глобальной проблемы стало беспрецедентное усиление так называемой «локализации» – от практически полного закрытия границ со многими странами мира и, по сути, прекращения публичной жизни с переходом большинства населения на работу «онлайн» и социальной изоляции до постепенного смягчения ограничений, в особенности, после начала вакцинации населения разных стран. Однако на данный момент распространение опасного вируса остановить не удалось, поэтому власти большинства стран призывают население к соблюдению социальной дистанции, ношению защитных масок и перчаток и прочим мерам безопасности.

Безусловно, такая ситуация напрямую затронула и религиозные организации, активно функционирующие в социальной сфере, что как следствие, повлияло на религиозность населения, заметно изменив её структуру.

Разные авторы приводят различные типологизации религиозности. Так, например, Г. Олпорт предлагает ввести типы незрелой (внешней) и зрелой (внутренней) религиозности [подробнее см.: Олпорт, 2002]. «...Первая фрагментарна и поверхностна, представляет собой инструментальную ценность, а вторая – глубокая и всепроникающая, представляет собой терминальную ценность для человека» [Афанасенко, 2014, 11].

В дальнейшем исследователями в типологию Олпорта был включён ещё один тип религиозности – «ориентация поиска». «“Ориентация поиска” – это такая религиозная направленность, которая лишена догматизма и способствует духовному и творческому развитию личности. “Ориентация поиска” подразумевает открытую готовность личности к решению экзистенциальных, высших вопросов существования человека» [подробнее см.: Шмелев, 2012, 49–56, Титов, 2013, 2–9].

Некоторые авторы выделяют в структуре религиозности три типа: традиционную религиозность, невероисповедную религиозность и квазирелигиозность. «Такое деление соответствует действительности и отражает основные особенности религиозной жизни. Но стремительное усложнение самой этой жизни, обновление религиозной деятельности и появление новых взглядов на религию в русле идеологического плюрализма вызвали появление хотя и не новых принципиально, но новых для нашего общества версий типологизации религиозности массового сознания. <...> Речь идёт о смещении чувства трансцендентного из области церковного учения в более приземлённые сферы жизни, такие как политика и наука, а также о сведении его к представлениям о независимости личности, правах человека, индивидуальности и самодостаточности. Соответственно, религиозность становится менее ориентированной на церковь и более направленной на земные проблемы общества и человека» [подробнее см.: Лобазова, 2015, 94–96].

Не останавливаясь на других типологиях религиозности, а также подходах к её изучению и определению, предложим следующую структуру религиозности: *институциональный, индивидуальный и институционально-индивидуальный типы современной религиозности*. Попытаемся рассмотреть их через призму социальных функций религии.

В течение многих веков и десятилетий ключевую роль в структуре религиозности играл *институциональный* тип, поскольку религия является одним из важнейших социальных институтов человечества. В качестве классического определения социального института можно принять следующее: «это исторически сложившиеся формы организации и регулирования общества, жизни (например, семья, религия, образование и т.д.), обеспечивающие выполнение жизненно важных для общества функций, включающие совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений, систему контроля» [Институт, 1998, 105]. Исходя из данного определения, рассмотрим институциональные характеристики религии с учётом специфических особенностей и исторической эволюции исследуемого феномена.

Религия как социальный институт представляет собой исторически сложившиеся формы организации, в рамках которой на основе веры в сверхъестественное созданы особые социальные учреждения, развивается специфическая социальная деятельность и выстраиваются социальные отношения, осуществляется ряд явных и латентных функций, совокупность которых составляет то, что принято называть «социальной ролью религии», устанавливается система ритуалов и обычаев, вырабатывается набор социальных ролей в соответствии со статусными группами той или иной религиозной иерархии, формулируется система ценностно-нормативных установок, предписаний, оценок, символов, представлений, запретов, этически обоснованных образцов и религиозно мотивированных моделей поведения, идеалов, смысловых жизненных целей и ориентаций, представлена определённая картина мира, в которой присутствует дихотомия сакрального и профанного, посю- и потустороннего миров, а также система социального контроля, состоящего из ценностных нормативов (что должно делать) и санкций – поощрений за следование должному с наказаниями за отступления от него.

Таким образом, социальный институт религии представляет собой систему из двух взаимосвязанных уровней: 1) ценностно-нормативная модель, включающая

в себя совокупность верований, символов и предписаний, представлений, относящихся к широкому кругу явлений и предметов, как профанных, так и сакральных; 2) модели поведения, заданные религиозными нормами и регулируемые посредством религиозной организации, включающей в себя как религиозную общину, занимающуюся культовой и внекультовой религиозной деятельностью, так и непосредственно религиозную организацию, являющуюся «представителем» данной религии в социуме.

Любой социальный институт играет важную роль в жизни общества, которая, в свою очередь, состоит из совокупности исполняемых им явных и латентных функций – социальных действий, регулируемых выработанными нормами и контролируемых социальным институтом, который их выполняет. Важнейшей целью религиозных организаций является нормативное воздействие на своих членов, формирование у них определённых целей, ценностей, идеалов, реализующее себя в обществе через исполнение ряда функций. Помимо основной функции «духовного окормления» религия осуществляет свою деятельность и оказывает влияние на экономическую, политическую, семейную, культурную и другие важнейшие составляющие жизни социума.

В этой связи хотелось бы остановиться на тех изменениях, которые в последние годы претерпели отдельные социальные функции религии, в первую очередь, интегративная и коммуникативная, а также нормативно-регулятивная и легитимирующая.

Одной из ключевых социальных функций религии является интеграция. Большинство социологов, начиная от отцов-основателей социологии как отдельной науки Огюста Конта и Герберта Спенсера, рассматривали религию как средство достижения единства, объединения (интеграции) общества, сплочения отдельных людей в массу верующих, унифицирующее образ жизни, ценностные и мировоззренческие ориентиры, социальные и нравственные нормы.

Возникновение мировых религий способствовало объединению значительных масс людей, становящихся приверженцами того или иного религиозного направления благодаря прозелитизму и миссионерской деятельности основателей и первых последователей.

С другой стороны, уже изначально в мировых религиях была заключена некая противоположная тенденция – к дезинтеграции, причём не только с остальным («языческим») миром, но и в рамках собственной религиозной общины (в широком смысле слова).

Тем не менее, в целом процессы возникновения и эволюции мировых религий вели к интеграции больших масс людей и унификации их шкалы ценностей, этических норм, образа жизни. То есть, по существу, это были процессы глобализации. Однако, несмотря на универсализм и эгалитаризм мировых религий, интегрирующая функция в них сопряжена с не менее ярко выраженной дезинтеграцией – как с непринадлежащим к данной религии миром (жесткая дихотомия «мы» – верные, правоверные, избранные, посвящённые – и «они» – неверные, «язычники», гяур и т.д.), так и в рамках самой религии, достаточно быстро дробящейся на множество конфессий, зачастую жестоко враждующих между собой.

В некоторые периоды истории религиозная интеграция компенсирует отсутствие этнического единства в рамках отдельного государства. Например, католицизм и по сей день является фактором государственного и регионального социально-психологического единства народов Латинской Америки. Для моноконфессиональных стран характерно отождествление в массовом сознании религиозного и национального компонентов, на основе которого жидется идея национальной и религиозной исключительности. Здесь интегрирующая функция религии обычно поддерживается соответствующей системой обрядов и ритуалов, подкрепляющих чувство партиципации [подробнее см.: Забияко, 2008, 942]. По мнению Э. Дюркгейма [см.: Дюркгейм, 2018], именно религия конституирует общество как социокультурную систему: она подготавливает индивида к социальной жизни, тренирует послушание, укрепляет социальное единство, поддерживает традиции, возбуждает чувство удовлетворённости.

Интегрирующая функция религии существенна для этнических или религиозных меньшинств, находящихся на протяжении долгого времени в этнически и религиозно инокультурной среде. В таких случаях обычно складываются устойчивые этноконфессиональные общности, в рамках которых именно религия оказывается интегративным фактором (диаспоральный иудаизм, общины христиан в Ливане, индуисты-тамилы в Шри-Ланке и др.). Любая религиозная концепция, объединяя людей в рамках санкционированного ею мировоззрения, сложившихся под её влиянием социальных, этических и духовных ценностей, освящает устоявшиеся нормы и существующие порядки, содействуя тем самым социальной, идейной и политической интеграции.

Выступая в качестве источника социокультурного единения на базе тех или иных ценностей, нормативных установок, вероучения, культа и организации, религия одновременно противопоставляет эти общности другим общностям, сформировавшимся на базе иной ценностно-нормативной системы, вероучения, культа и организации.

Эффективность социальной интеграции на основе религии велика в обществах традиционного типа, где таким образом поддерживается коллективная идентичность и солидарность социальной группы. В обществах же социально дифференцированных и сложных, в условиях религиозного и национального плюрализма традиционные религии уже неспособны в полной мере исполнять эту функцию. Религия в данном случае уже не является универсальным интегративным фактором, ибо «общественная солидарность» может устанавливаться и поддерживаться на иной основе, например, на принципе права. Так, уже с середины XVII в. в Западной Европе возникает движение секуляризации.

Вместе с тем, несмотря на секуляризационные процессы в современном мире, роль религиозного фактора остаётся весьма существенной. Сегодня в результате интенсификации развития коммуникаций и информационных технологий происходит расширение объёма, увеличение разнообразия и ускорение глобальных религиозных потоков, повышение интенсивности и скорости религиозного обмена.

Коммуникативная функция религии является двухуровневой. Первый уровень коммуникации, который устанавливается верующим той или иной религии – это общение с богом или некими иными сверхъестественными существами и сущностями. Это главный вид общения в религии, который осуществляется путем культовой деятельности – произнесения молитвы, участия в богослужении, исполнения ритуалов и т.п. В общении данного уровня большую роль играет религиозная символика, религиозное искусство и религиозная литература. Результатом такой «естественно-сверхъестественной коммуникации» становится возникновение у верующего устойчивых положительных эмоций (восхищения, радости, надежды и др.) и формирования на их основе уравновешенно-позитивного психического состояния, близкого к эстетическому катарсису.

Второй уровень коммуникации в религии осуществляется между верующими одной конфессии – в рамках религиозной общины происходит их общение друг с другом, нередко выходящее за пределы «церковной ограды», в рамках внекультовой деятельности, как религиозной (в большинстве случаев), так и нерелигиозной (гораздо реже). Подобное общение имеет свою специфику, суть которой заключается в том, что в жизни верующих людей религиозная мотивация, чувства и потребности превалируют над земными интересами, когда земные ситуации и реалии рассматриваются *sub specie aeternitatis*¹.

Дезкоммуникативность данной функции религии проявляется в доведении до некоего предела конфессиональной ограниченности, когда невозможно или существенно затруднено общение с внешним миром, с представителями других конфессий или неверующими (например, в некоторых монастырях).

Помимо этого, в последнее десятилетие происходит виртуализация религии, когда религиозные отношения из социальных во многом превращаются в виртуальные.

Религиозные движения активно и профессионально используют современные технологии, современные средства массовой информации и коммуникации. Се-

годня даже в дни крупных праздничных мероприятий стало возможным вовсе не находиться в храме или мечети – достаточно подключиться к онлайн-конференции или наблюдать за богослужением по телевизору. Точно также и с любым сакральным текстом или его разъяснениями и толкованиями можно ознакомиться в сети Интернет. Там же можно узнать обо всех событиях той или иной религиозной организации, прочитать объявления на приходском или епархиальном сайтах, не выходя из дома пообщаться на форумах с единомышленниками или подискутировать с оппонентами. Религиозная община как ядро «первичной» приходской жизни утрачивает былое коммуникативное значение.

По справедливому мнению профессора А.П. Забияко, глубоко исследовавшего такой феномен современности, как «киберрелигия», данный тип «религиозной формации» существует в двух основных разновидностях.

Во-первых, это «киберресурс конфессий (конфессиональный ресурс). Он представлен содержанием, репрезентирующим в киберпространстве религии, которые возникли вне виртуальной реальности и которые применяют цифровые технологии в качестве средства повышения эффективности конфессиональной деятельности. <...> Фактически киберресурс конфессий выступает виртуальной проекцией существующей в “реале” религиозной жизни и конфессий» [Забияко, Воронкова, Лапин, 2012, 29–30]. Добавим, что, исходя из реалий 2020–2021 гг., в условиях пандемии речь идёт не столько о «дополнительной эффективности», сколько о существовании того или иного религиозного направления как такового, вынужденного презентовать себя исключительно в виртуальном пространстве.

Собственно, именно об этом типе религиозной виртуализации и идёт речь в настоящей статье.

Во-вторых, это киберресурс, представленный «ментальностью, в которой компьютерные технологии приобретают статус сверхценности, наделяются качествами священных объектов и атрибутами божественных сущностей; в системе координат этой ментальности компьютерная виртуальная реальность выступает в качестве высшей реальности, сверхценного инобытия, находящегося вне границ обыденного существования и доминирующего над ним» [Забияко, Воронкова, Лапин, 2012, 32].

Этот тип киберрелигии, по всей видимости, можно уверенно отнести к квазирелигии, поскольку здесь соотношение сакрального и профанного, религиозного и нерелигиозного, переплетаясь причудливым образом, всё-таки отдаёт приоритет внерелигиозному [см.: Забияко, Воронкова, Лапин, 2012, 191]. По мнению А.П. Забияко, «квазирелигия представляет собой религиоподобную систему, синкретически сочетающую религиозные и нерелигиозные компоненты. Инкорпорированные в состав квазирелигии компоненты нормативных, “традиционных” религий не определяют форму и содержание данной системы, будучи второстепенными и выполняя служебную роль. Доминирующее значение в таких формациях имеют нерелигиозные компоненты – например, этнические, политические, социальные, экологические, сциентистские, этические, психологические и другие» [Забияко, Воронкова, Лапин, 2012, 191].

По мнению автора этой статьи, квазирелигиозность – категория социологии религии, одна из основных, наряду с понятием «религиозность». Она отличается от последней объектом поклонения: если религиозным формам сознания присуща вера в сверхъестественное существо, то квазирелигиозность, хотя и характеризуется теми же особенностями, что и религиозность, предполагает веру в естественные события, в личности (культ личности, например), а также в материальные процессы с созданием на основе такой веры определённых социальных мифомоделей, как правило, находящихся отражение и поддержку в массовом сознании подробнее [см.: Элбакян, 1998, 170].

Если рассматривать религиозность и квазирелигиозность через призму пары категорий цель-средства, то станет очевидным, что в обоих случаях провозглашается некая цель – идеальная модель будущего (царство божье, коммунистическое общество и т.д.), которой не существует, но в будущем достижении которой последователи не сомневаются. Разница возникает, когда речь заходит о средствах до-

стижения идеальной цели. Для религии обязательным условием является наличие сверхъестественного – либо как акта, либо как сущности, либо как существа, то есть средства обязательно предполагают выход за пределы земных, естественных возможностей человека, как, например, инкарнация в религиях Индии и буддизме и др. Для квазирелигии средства естественны, т.к. для построения коммунистического «рая» вовсе не требуется вера в бога, напротив, провозглашается, что только человек своими собственными усилиями может построить идеальное общество, не нуждаясь в божественной санкции, поддержке, водительстве. Таким образом, если некоторые авторы и включают квазирелигиозность в структуру религиозности [см. например: Лобазова, 2015, 94–96], то делать это необходимо, на наш взгляд, с существенными оговорками.

Сегодня уже мало кого удивят словосочетания «религия онлайн» или «онлайн религия».

«Понятие “религия онлайн” описывает многообразные средства репрезентации и коммуникации, которые в своей практике реализуют те или иные религиозные группы, как “традиционные”, так и новые. <...> Понятие “онлайн-религия”, в свою очередь, отсылает к тем практикам, которые существуют в интернет-пространстве. Здесь Интернет уже не исключительно средство (как в случае религии онлайн), но прежде всего естественная среда взаимодействия субъектов. Причём важно, что такое взаимодействие может как дублировать взаимодействие “в реальной жизни”, так и быть уникальным. Например, Интернет даёт возможность онлайн-исповеди или обращения к религиозному специалисту (причём такое обращение может быть анонимным)» [Религиоведение, 2016, 244–245].

Особенно усилилась данная тенденция в период пандемии. «Одно из основных следствий и <...> последствий пандемии – переход всего и вся в цифровое пространство. Онлайн-среда стала неотъемлемым компонентом нашего бытия в связи с обстоятельствами непреодолимой силы. Как в своё время в США револьвер Кольта уравнивал права всех, кто держал его в руках, так вирус подчинил себе человека, не делая различий или исключений, не признавая ни границ, ни финансовых возможностей человека или общества. Цифровая реальность стала единственным объединяющим пространством...» [Веселова, 2021, 21].

Общая тенденция современной религиозной жизни амбивалентна – верующие, находящиеся в «локдауне», то есть в ситуации, где превалирует локальное, виртуально принимают участие в богослужениях и коммуникации. В то же время круг их настолько шире приходской общины и привычных постоянных прихожан, что можно говорить о глобальном, хотя и в виртуальном аспекте, общении. «Некоторые исследования цифрового богословия выявили повышенный интерес к просмотру и участию в онлайн-церковных службах в условиях изоляции. Взаимодействие, обеспечиваемое цифровыми технологиями, помогло расширить возможности людей участвовать в религиозной деятельности, несмотря на физическое расстояние, включая тех, кто ранее, возможно, никогда не ступал в церковь» [Влияние, https://ru.qaz.wiki/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_religion].

Так, на общедоступных ресурсах в Интернете можно, например, прочитать, что «в отчёте Pew Research от марта 2020 года сообщается об изменении религиозных привычек респондентов в связи с пандемией. Более половины респондентов заявили, что они “молились о прекращении распространения коронавируса”, “реже посещали службы лично” и “смотрели религиозные службы в Интернете или по телевизору, а не лично” <...>. Из-за принципов социального дистанцирования многим церквям потребовалось найти альтернативу обычным личным церковным службам, и они обратились к цифровой церкви. В пасхальное воскресенье Папа Франциск проводил прямую трансляцию мессы из пустой базилики Святого Петра в Риме, в то время как архиепископ Кентерберийский Джастин Велби транслировал свою проповедь из кухни своей квартиры в Лондоне» [Влияние, https://ru.qaz.wiki/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_religion].

Сами организационные и культовые основы также во многом меняются. При посещении современных церквей создаётся устойчивое впечатление, что находишься в хорошо работающем офисе, где культово-ритуальные практики по-

падают в графу «оказания религиозных услуг» с соответствующим прейскурантом. «Акт религиозного выбора происходит аналогично поведению потребителя товаров и услуг, на исход которого влияют не только личные вкусы и предпочтения, но и маркетинговая деятельность сетевых и индивидуальных «предпринимателей» на религиозном «рынке». Церкви выступают как «торговые фирмы» (среди них есть и «монополисты», и «маргиналы»), верующие – как потребители «духовных продуктов»» [Религиоведение, 2016, 233]. По существу, выхолащивается мистическая суть религии, когда место мистики занимает мистификация, которая по большей части рассматривается в качестве «коммерческого проекта».

Вместе с тем, в связи с пандемией в религиозном сознании людей усиливаются тенденции к позитивному восприятию мистификации: отдельные священнослужители объясняют социальные процессы, рост заболеваемости и смертности через призму апокалиптического видения «последних времён», «конца света», библейских пророчеств [Патриарх, <https://www.mk.ru/social/2021/04/13/patriarkh-kirill-zayavil-chto-khleb-i-vino-dlya-prichastiya-zashhishheny-ot-covid19.html?fbclid=IwAR2FuAA6j5Mtw5g1xMFbjXvPmWVuBBdVFJuGq8-nkDC5BS5Tkt1ZKMAAuA>]. Здесь уместно было бы вспомнить небольшое эссе (часть неоконченной работы «Диалектика природы») непопулярного ныне Ф. Энгельса «Естествознание в мире духов», одна из идей которого заключается в справедливой констатации того факта, что в критические периоды общественной жизни люди гораздо в большей степени склонны к усвоению мистики и эзотерики [см.: Энгельс, 1961, 373–383]. Рост мистицизма, который, как уже отмечалось, обычно наблюдается в кризисные моменты развития общества, особенно в интеллигентских кругах, призван «сокращать дистанцию» между богом и человеком, стремящимся к единению с ним. «Интимная сфера жизни индивида становится проводником его религиозного опыта, – характеризуя эпохи развития мистицизма, пишет К. Мангейм; – четыре стены его жилища превращаются, так сказать, в пространство души» [Mannheim, 1956, 233].

Другой тенденцией, которая усилилась в период пандемии, помимо расширения виртуализации религии и мистических объяснений современного социального контекста жизни большинства людей, является тенденция к индивидуализации веры, когда институциональные структуры религии, играющие важнейшую интегративную и коммуникативную роль в жизни верующих, отступили на второй план, и верующим было предложено, в связи с закрытием храмов, мечетей, молитвенных зданий или костёлов, молиться дома.

Индивидуальная религиозность – это второй тип, выделяемый нами в структуре современной религиозности после институциональной. Квинтэссенцию индивидуальной религиозности выразил, например, специалист по древним текстам, переводчик с коптского языка Дмитрий Алексеев: «...Я не только далёк от принадлежности к официальной Церкви, но и осознанно дистанцируюсь от любых религиозных организаций. По моему убеждению, с Богом человек пребывает один на Один, лицом к Лицу, и многотысячные толпы поклоняющихся наводят меня на мысли о культах дохристианского мира» [Утверждения, <https://pravtoday.ru/intervyu/>].

Социологи Левада-центра зафиксировали, что за период пандемии религиозная вера в России стала крепче (17 % респондентов), ослабла (11 % опрошенных), не изменилась (60 %) [Религиозность, <https://www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pande>]. Последний показатель во многом говорит о смещении религиозности из институциональной в индивидуальную сферу, поскольку с закрытием храмов вера не исчезла, а доля верующих не сократилась, но обрела иные – домашние или виртуальные формы.

Для сравнения, в США (по данным Pew Research Center) вера стала крепче у 28 % опрошенных, ослабла у 14 %, осталась неизменной у 47 % [Религиозность, <https://www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pande>].

Общая тенденция к индивидуализации религии, наиболее ярко проявившаяся в западноевропейских странах, имела и в «доковидный» период, однако пандемия послужила своего рода катализатором данного процесса. Как пишет исследователь индивидуальной религиозности и писатель Алла Авилова (Нидерланды), «личные чувства и способности, собственные религиозные переживания в наше

время значат для многих гораздо больше, чем традиционные предписания какой-либо “правильной веры”. Я убеждена, что наступает время “индивидуалов” и “индивидуальной религиозности”» [Алла, <http://www.religiopolis.org/opyty/9547-religioznye-uchitelya.html>].

Так, «согласно опросу фонда “Общественное мнение” (в 2017 году, то есть за три года до начала пандемии – Е.Э.), 27% россиян, назвавшихся верующими, не относят себя ни к одной из религий. Такое признание типично для религиозных индивидуалов. Среди молодёжи определённой религиозной самоидентификации не имеют 34% верующих, среди студентов – 38%» [Авилова, http://www.ng.ru/ng_religii/2012-06-06/4_construkt.html].

Думается, что сама по себе «индивидуальная религиозность» – явление отнюдь не однородное. Условно его можно также разделить на два основных класса: первый – собственно индивидуальная религиозность, подразумевающая веру человека в некие высшие силы без привязки к какому-либо религиозному направлению и без опоры на его вероучительные основы, сакральные тексты, без исполнения религиозных обрядов, предписанных в данной конфессии, без чтения молитв из молитвослова и, конечно, без посещения сакральных мест и объектов, поскольку «индивидуал» обращается к высшей силе и дома, в свободной форме выражая свои просьбы, пожелания, мольбы и т.д.

Второй класс – *индивидуально-институциональная религиозность* (третий тип, выделяемый нами в структуре религиозности), когда верующие принадлежали или принадлежат к какому-либо религиозному направлению, но не посещают храмы, не участвуют в общинной, приходской жизни. При этом они молятся у себя дома в соответствии с той традицией и в тех молитвенных формулах, как это принято в их конфессии, используют сакральные тексты своей религии, отмечают религиозные праздники, события священной истории и т.д. Эти же верующие виртуально общаются со своими единомышленниками, тем самым, не смотря на локальность собственного исповедания веры, участвуют в значительно более глобальном общении с единоверцами, чем в рамках прихода.

Так, по данным МВД РФ, в праздновании Пасхи 2 мая 2021 года приняло участие 1,6 млн россиян [В праздновании, <https://tass.ru/obschestvo/11296353/amp>] (1,09 % от общего населения), что значительно ниже предыдущих лет (за исключением 2020 года, когда храмы были закрыты). Для сравнения – официальные данные МВД РФ в 2012 году свидетельствуют, что «в десяти тысячах православных церквей в Пасхальную ночь побывали 7 миллионов 150 тысяч человек» [Пасха, <http://www.religiopolis.org/news/14706-paskha-bez-narushenij.html>].

Крупнейший исламский праздник Ураза-байрам в мае 2021 года мусульмане России отмечали дома, наблюдая за происходящим в мечетях, где разрешено было молиться только священнослужителям, онлайн.

Общая тенденция очевидна. Ей соответствуют и динамика социальных функций религии, и изменение в структуре современной религиозности.

В качестве одного из примеров распространения «индивидуальной религиозности» благодаря сетевому взаимодействию посредством получивших широкое распространение социальных сетей, можно назвать проект «Манифеста служения внецерковному христианству», опубликованный в конце апреля 2021 года в социальной сети Facebook. Его авторы – христианские священнослужители, которые обращаются к невоцерковлённым верующим, исповедующим свою веру индивидуально, но принявшим крещение в одной из христианских церквей:

«Это наше общее решение о служении тем христианам, кто крещён, исповедует веру в Господа Иисуса Христа, но по каким-то причинам находится вне общения с конкретной поместной церковью, общиной, сообществом. <...> Мы верим, что Спасение даруется человеку не за исполнение церковных обрядов, правил, предписаний, а по благодати и любви Бога к своему творению. Мы остаёмся теми, кто мы есть: священниками и служителями разных христианских церквей. Мы не объединяемся в новую церковь, союз, организацию, мы не создаём новых институций, мы вместе делаем шаг за пределы церковной ограды, чтобы служить тем людям, кто не нашёл себя внутри неё. <...> Принимая эту ответственность, мы начинаем слу-

жение, цель которого – дать возможность участия в Таинствах Церкви и в церковной молитве тем, кто не является членом общины или церкви, и является по устоявшемуся определению “внецерковным христианином”. <...> Мы не ставим своей целью вести миссионерскую деятельность в сфере внецерковного христианства, мы не ставим своей целью сделать кого бы то ни было членом нашей церкви, общины, группы. Факт участия в Таинствах и молитве нашей церкви, общины, не налагает на человека, обратившегося к нам, никаких организационных или финансовых обязательств. Будет это единожды, дважды, трижды, или много раз, это ничего не меняет, человек может оставаться внецерковным христианином и участвовать в Таинствах и молитве любой из наших церквей любое по продолжительности время. Сегодня мы видим, что все больше людей покидают церковную ограду, многие современные люди из-за плотного графика, частых переездов и пр. не имеют возможности системного и организованного участия в религиозной жизни конкретной общины, а иногда и деноминации, и даже конфессии. Все эти люди для нас были, есть и остаются нашими братьями и сёстрами во Христе, исповедующими общию с нами веру» [Князев, Мотинга, Левушкин, https://zen.yandex.ru/media/id/5de67c37ecfb8000b14be1cb/manifest-slujeniiia-vnecerkovnomu-hristianstvu-proekt-608033eac0e64f5a79ab5b80?fbclid=IwAR1Gigx5ahyEUsnA2dAWqw1iGQ_QXRka4o22BXJ0I_7k8uKZl9TII71MAr0].

Используя диалектический метод Г.В.Ф. Гегеля, можно создать триаду (тезис, антитезис, синтез), где тезис (традиционная институциональная религиозность) и антитезис (индивидуальная религиозность) снимаются в синтезе индивидуально-институциональной религиозности. Сами же «индивидуальное» и «институциональное» находятся в диалектическом взаимодействии.

Можно выдвинуть предположение, что именно этой группе верующих (индивидуально-институциональной) в эпоху пандемии оказавшихся в условиях жёстких ограничений, когда храмы были закрыты, психологически было наиболее просто и привычно, поскольку коммуникативная функция религии для них, по сути, осталась прежней. Более того, очевидно, что их число в последние полтора года значительно возросло.

Аналогичное предположение можно сделать и относительно интегративной функции религии, поскольку её нарушение сверхкомпенсировано в рамках индивидуально-институциональной религиозности привычным и в «допандемические времена» виртуальным общением с единоверцами, объединяющим верующих этой группы с единомышленниками во всем мире.

Заметные изменения в зависимости от типа религиозности претерпевает также нормативно-регулятивная функция.

Нормативно-регулятивная функция религии заключается в том, что она закрепляет действие принятых в обществе социальных норм поведения, осуществляя контроль посредством церковных организаций, поощряющих определенные, согласующиеся с религиозно-этическими нормами действия, и наказывающих за несогласующиеся. Помимо этого, подобный контроль на уровне межличностных отношений осуществляется самими верующими, которые выступают в качестве носителей определённых нравственно-конфессиональных принципов и основанных на них стандартов поведения, в свою очередь обусловленных господствующими религиозными ценностями. Это функция придания религиозной мотивации социальной деятельности, глубоко исследованная М. Вебером [подробнее см.: Вебер, 1994, 78–439].

Так, если рассматривать институциональный тип религиозности, то можно отметить, что в нём не всегда присутствует религиозная мотивация социального поведения и личных поступков, а профессиональная идентичность (с необходимостью следовать её этическим нормам) и поведение индивида существенно расходятся между собой, а порой и противоречат друг другу. Вместо стремления к углублению веры осуществляется её миссионерское расширение, порой чисто механическое². То есть происходит изменение мотивации в регуляции и, как следствие, меняются сами регуляторы социального поведения, когда в результате во главу угла возводится иная модель поведения, иной набор религиозных представлений и действий.

С другой стороны, усиление нормативно-регулятивной функции религии во многом свидетельствует о падении глубокой религиозности. Эта закономерность,

согласно которой расцвет религии рождает усиление религиозности, где центральным становится мистическое чувство, тогда как падение религии, превращающее её в некий респектабельный атрибут повседневности, характеризуется резким упадком мистического чувства, место которого занимают нравственные предписания, была отчасти сформулирована ещё Б. Расселом³ и А.Н. Уайтхедом⁴. «Выдвижение на первый план правил поведения свидетельствует об упадке религиозного рвения» [Whitehead, 1975, 227].

Индивидуальный тип религиозности, ослабляя воздействие нормативно-регулятивной функции религии, напротив, усиливает религиозную веру как таковую. «Индивидуалу» нет никакой необходимости соблюдать некое внешнее «благочестие», но его «религиозное рвение» не напоказ, а дома, без свидетелей, идёт из глубины души и указывает на силу веры. Именно эта вера, не явленная в некоей принятой институциональной форме культовой практики, выступает мотивацией образа жизни верующего «индивидуала». Религиозное чувство у него очень сильно, а религиозные идеи и ценности являются приоритетными и определяют стремления и поступки.

Что касается легитимирующей функции, то она состоит в придании нормам, ценностям и образцам поведения в обществе характера абсолютного, неизменного, не зависящего от пространственно-временных рамок человеческого бытия. Очевидно, что в период пандемии данная функция также претерпела заметную динамику, ибо руководителям религиозных организаций приходилось неоднократно призывать верующих оставаться дома, не посещать храмы, прекратить «живое» общение – как между собой, так и со священно- и церковнослужителями. На этот период пришлась Пасха 2020 года – главный праздник в православии, который верующие отмечали дома. Таким образом, религиозные организации были вынуждены отступить от веками существующих традиций и узаконить, в силу внешних обстоятельств, полностью противоположные им.

Заключение

Итак, используя факторную операционализацию, нам удалось выделить в структуре современной религиозности три типа: институциональный, индивидуальный и индивидуально-институциональный, рассмотрев их через призму динамично меняющихся социальных функций религии под воздействием современных процессов в обществе,

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что во многом если не вызванный, то усиленный глобализацией цивилизационный кризис, связанный с пандемией, естественным образом породил усиление локальных тенденций, в том числе и в религиозной сфере. В то же время «локальность» в плане «приходского общения» при совместном отправлении культа благодаря цифровым технологиям и сети Интернет во многом нашла замену в глобальном общении с единоверцами или оппонентами во всем мире, существенно расширив границы «прихода» виртуальным участием в богослужениях и других церковных мероприятиях. Конечно, даже после отмены «локдауна» такая практика, во многом остающаяся действенной, нанесла религиозным организациям заметный материальный ущерб. Ведь не посещающие церковные службы прихожане не оставляли благотворительных пожертвований («кружечные», «тарелочные» сборы), что, по понятным причинам, не улучшило материальное положение религиозных организаций. Каким образом и с какими потерями выйдут религиозные организации из этого кризиса, с учётом трансформации ряда социальных функций религии, покажет то время, когда пандемия будет полностью преодолена человечеством. Но, как бы то ни было, можно предположить, что общая структура религиозности, предложенная в данной статье, останется такой же, отличаясь от «допандемийного» периода лишь тем, что доля институциональной религиозности будет снижаться, уступая место индивидуально-институциональной (её процент будет наибольшим). Тогда как индивидуальная религиозность по-прежнему продолжит возрастать, но незначительными темпами и, в основном, среди молодёжи. Таким образом, будущее за индивидуально-институциональной религиозностью. Впрочем, время покажет...

Библиографический список

1. Авилова, А.К. Сконструируй себе веру [Электронный ресурс] / А.К. Авилова. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-06-06/4_construkt.html (дата обращения 28.04.2021).
2. Алла Авилова и её «мессия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.religiopolis.org/oputy/9547-religioznye-uchitelya.html> (дата обращения 30.04.2021).
3. Андреева, Л.А. Религиозность студенческой молодёжи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян / Л.А. Андреева, Л.К. Андреева // Социологическая исследования. – 2010. – № 9. – С. 95–98.
4. Афанасенко, И.В. Специфика индивидуальной религиозности и выражение самоактуализации представителей разных конфессий (на примере православных христиан и иудаистов) / И.В. Афанасенко // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 12/1. – С. 10–13.
5. Афонские старцы о коронавирусе (пророчества и духовные ориентиры) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rrRwEm04KeI> (дата обращения 29.04.2021).
6. Вебер, М. Социология религии / М. Вебер // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. Левиной М.И., Михайлова А.В., Карпушиной С.В. – М.: «Юрист», 1994. – 702 с.
7. Веселова, В.В. О некоторых приоритетах модернизации школьного образования в постковидный период / В.В. Веселова // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2021. – № 2 (77). – С. 20–27.
8. Влияние пандемии COVID-19 на религию [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_religion (дата обращения 30.04.2021).
9. В праздновании Пасхи в России приняли участие 1,6 млн человек [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11296353/amp> (дата обращения 04.05.2021).
10. Герук, С. Что о коронавирусе говорили святые XX века: беседа с архиепископом Феодосием (Снигиревым) [Электронный ресурс] / С. Герук. – URL: <https://pravoslavie.ru/130278.html> (дата обращения 29.04.2021).
11. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система Австралии / Э. Дюркгейм / Пер. с франц. Апполонова А.В., Котельниковой Т.М. / Под научной ред. Апполонова А.В. – М.: ИД «Дело», 2018. – 733 с.
12. Забияко, А.П. Партиципация / А.П. Забияко // Энциклопедия религий / Под ред. Забияко А.П., Красникова А.Н., Элбакян Е.С. – М.: Изд-во «Академический проект», 2008. – С. 942.
13. Забияко, А.П. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А.П. Забияко, Е.А. Воронкова, А.В. Лапин и др. – Благовещенск: Изд-во АМГУ, 2012. – 208 с.
14. Институт социальный // Социологический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Норма», 1998. – С. 105.
15. Исследование социально-экономических и политических процессов [Электронный ресурс]. – URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=99602> (дата обращения 8.05.2021).
16. Князев, И. Манифест служения внецерковному христианству (проект) [Электронный ресурс] / И. Князев, А. Мотинга, П. Левушкин, Ю. Ананьев. – URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5de67c37ecfb8000b14be1cb/manifest-sluzheniia-vnecerkovnomu-hristianstvu-proekt-608033eac0e64f5a79ab5b80?fbclid=IwAR1Gigx5ahyEUsnA2dAWqw1iGQ_QXRka4o22BXJ0I_7k8uKZl9TlI71MAR0 (дата обращения 04.05.2021).
17. Лобазова, О.Ф. Современная типология религиозности: исследовательские возможности / О.Ф. Лобазова // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 1–1(18). – С. 94–96.
18. Олпорт, Г. Становление личности. Избранные / Г. Олпорт / Пер. с англ. Трубицыной Л.В., Леонтьева Д.А. / Под общ. ред. Леонтьева Д.А. – М.: Изд-во «Смысл», 2002. – 461 с.
19. Операционализация функции в прикладном исследовании [Электронный ресурс]. – URL: <https://drafttea.ru/military-id/operacionalizaciya-funkcii-v-prikladnom-issledovanii-kontrolnaya/> (дата обращения 27.04.2021).
20. Пасха без нарушений [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.religiopolis.org/news/14706-paskha-bez-narushenij.html> (дата обращения 05.05.2021).
21. Патриарх Кирилл заявил, что хлеб и вино для причастия защищены от COVID-19 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2021/04/13/patriarkh-kirill-zayavil-chto-khle-i-vino-dlya-prichastiya-zashhishheny-ot-covid19.html?fbclid=IwAR2FuAA6j5Mtw5g1xMFbjXvPmWVuBBdVFJuGq8-nkDC5BS5Tkt1ZKMAAuA> (дата обращения 29.02.2021).
22. Рассел, Б. Почему я не христианин / Б. Рассел. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 340 с.
23. Религиоведение: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. Рахманина А.Ю. – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 307 с.
24. Религиозность в период пандемии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pande> (дата обращения 27.04.2021).
25. Титов, Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций / Р.С. Титов // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 1. – С. 2–9.

26. «Утверждения о предательстве Иуды по воле Иисуса Христа в тексте апокрифа (Евангелия от Иуды) нет». Интервью Дмитрия Алексеева [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravtoday.ru/intervyu/> (дата обращения 28.04.2021).
27. Шмелев, И.М. Понятие «религиозная личность» и классификация типов верующих людей в зарубежной и отечественной психологии / И.М. Шмелев // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 21. – С. 49–56.
28. Элбакян, Е.С. Квазирелигиозность / Е.С. Элбакян // Религии народов современной России / Под ред. Мчедлова М.П. – М.: Изд-во «Республика», 1999. – С. 170.
29. Энгельс, Ф. Естествознание в мире духов / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – С. 373–383.
30. Mannheim, K. The problem of the intelligentsia. The democratization of culture / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Culture. – Paris – London: Routledge a. Kegan, 1956. – P. 171–246.
31. Whitehead, A. Science and the Modern World / A. Whitehead. – Glasgow: Collins, 1975. – 228 p.

Текст поступил в редакцию 07.05.2021.

Принят к публикации 09.08.2021.

Опубликован 28.09.2021.

¹ С точки зрения вечности (лат.).

² Как пишут Л.А. Андреева и Л.К. Андреева, «Особенностью современной религиозной ситуации в России является то, что понятие “православный” не прямо коррелирует с понятием “верующие”. Православие как способ национально культурной идентификации востребовано общественным сознанием. Однако собственно уровень религиозности определяется, прежде всего, верой в религиозные догматы, которые являются фундаментом религиозного мировоззрения и которые воплощают трансцендентные ценности бытия. Низкий уровень знания догматов свидетельствует о доминировании нерелигиозной картины мироздания...» [Андреева, Андреева, 2010, 96].

³ «Вы признаёте, разумеется, тот любопытный факт, что, чем сильнее были религиозные чувства и глубже догматические верования в течение того или иного периода истории, тем большей жестокостью был отмечен этот период и тем хуже оказывалось положение дел. В так называемые века веры, когда люди действительно верили в христианскую религию во всей её полноте, существовала инквизиция с её пытками; миллионы несчастных женщин были сожжены на кострах как ведьмы; и не было такого рода жестокости, которая не была бы пущена в ход против всех слоёв населения во имя религии» [Рассел, 1987, 110].

⁴ «Нерелигиозный мотив, который прочно внедрился в современное религиозное мышление, проявляется в стремлении к удобной организации общества. Религия преподносится как нечто ценное для упорядочения общественной жизни. Эти притязания основываются на религиозной функции праведного поведения. В дальнейшем цель праведного поведения с лёгкостью отождествляется с установлением справедливых общественных отношений. Здесь мы имеем дело с едва уловимой деградацией религиозных идей, последовавшей за их выхолащиванием под воздействием более привлекательных этических установок» [Whitehead, 1975, 227].

References

1. Avilova A.K. *Skonstruiruy sebe veru* [Make up a faith yourself]. Available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2012-06-06/4_construkt.html (accessed on April 28, 2021) (in Russian).
2. Alla Avilova i yeye “messiya” [Alla Avilova and her “messiah”]. Available at: <http://www.religiopolis.org/opyty/9547-religioznye-uchitelya.html> (data obrashcheniya 30.04.2021) (in Russian).
3. Andreyeva L.A., Andreyeva L.K. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Studies in Sociology]. 2010, no. 9, pp. 95–98 (in Russian).
4. Afanasenko I.V. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik* [North Caucasian Psychological Bulletin]. 2014, no. 12/1, pp. 10–13 (in Russian).
5. *Afonskiye startsy o koronavirusе (prorochestva i dukhovnyye oriyentiry)* [Athos Elders about Coronavirus (Prophecies and Spiritual Vectors)]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=rrRwEm04Kel> (accessed on April 29, 2021) (in Russian).
6. Veber M. *Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Selected Works. The image of society]. Transl. Levina M.I., Mikhaylov A.V., Karpushina S.V. Moscow: “Yurist”, 1994, 702 p. (in Russian).
7. Veselova V.V. *Munitsipal’noye obrazovaniye: innovatsii i eksperiment* [Municipal education: innovations and experiment]. 2021, no. 2 (77), pp. 20–27 (in Russian).
8. *Vliyaniye pandemii COVID-19 na religiyu* [The influence of the pandemic COVID-19 on religion]. Available at: https://ru.qaz.wiki/wiki/Impact_of_the_COVID-19_pandemic_on_religion (accessed on May 30, 2021) (in Russian).
9. *V prazdnovanii Paskhi v Rossii prinyali uchastiye 1,6 mln chelovek* [1,6 million people have participated in Easter celebration]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/11296353/amp> (accessed on May 04, 2021) (in Russian).

10. Geruk S. *Chto o koronavirusе govorili svyatyye XX veka: beseda s arkhiepiskopom Feodosiyem (Snigirevym)* [What did the 20th century saints say about coronavirus: a talk to archbishop Theodosius (Snigirev)]. Available at: <https://pravoslavie.ru/130278.html> (accessed on April 29, 2021) (in Russian).
11. Durkheim E. *Elementarnyye formy religioznoy zhizni. Totemisticheskaya sistema Avstralii* [Elementary forms of religious life. Totemic system of Australia]. Transl. Appolonov A.V., Kotel'nikova T.M. Moscow: ID "Delo", 2018, 733 p. (in Russian).
12. Zabiyaiko A.P. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of religion]. Eds. Zabiyaiko A.P., Krasnikov A.N., Elbakyan E.S. Moscow: Izd-vo "Akademicheskiiy proyekt", 2008, p. 942 (in Russian).
13. Zabiyaiko A.P., Voronkova E.A., Lapin A.V., etc. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsiy* [Cyber-Religion: Science as a factor for religious transformations]. Blagoveshchensk: Izd-vo AMGU, 2012, 208 p. (in Russian).
14. *Sotsiologicheskiiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociological encyclopedic dictionary]. Moscow: Izd-vo "Norma", 1998, p. 105 (in Russian).
15. *Isslედovaniye sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov* [Study in sociological and economic and political processes]. Available at: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=99602> (accessed on May 8, 2021) (in Russian).
16. Knyazev I., Motinga A., Levushkan P., Anan'yev Yu. *Manifest sluzheniya vnetserkovnomu khristianstvu (proyekt)* [Manifest of Churchless Christianity Service (project)]. Available at: https://zen.yandex.ru/media/id/5de67c37ecfb8000b14be1cb/manifest-sluzheniia-vnecerkovnomu-hristianstvu-proekt-608033eac0e64f5a79ab5b80?fbclid=IwAR1Gigx5ahyEUsnA2dAWqw1iGQ_QXRka4o22BXJ0I_7k8uKZ19TII71Mar0 (accessed on May 4, 2021) (in Russian).
17. Lobazova O.F. *Yevraziyskiy soyuz uchenyykh* [Eurasian Association of Scientists]. 2015, no. 1–1(18), pp. 94–96 (in Russian).
18. Allport G. *Stanovleniye lichnosti. Izbrannyye Trudy* [The nature of personality: Selected Papers]. Transl. Trubitsyna L.V., Leont'yev D.A. Ed. Leont'yev D.A. Moscow: Izd-vo "Smysl", 2002, 461 p. (in Russian).
19. *Operatsionalizatsiya funktsii v prikladnom issledovanii* [Operationalization of function in an applied study]. Available at: <https://drafttea.ru/military-id/operacionalizatsiya-funktsii-v-prikladnom-issledovanii-kontrolnaya/> (accessed on April 27, 2021) (in Russian).
20. *Paskha bez narusheniy* [Easter without offense]. Available at: <http://www.religiopolis.org/news/14706-paskha-bez-narusheniy.html> (accessed on May 05, 2021) (in Russian).
21. *Patriarkh Kirill zayavil, chto khleb i vino dlya prichastiya zashchishcheny ot COVID-19* [Patriarch Cyril said, that bread and wine for Holy Communion are protected from COVID-19]. Available at: <https://www.mk.ru/social/2021/04/13/patriarkh-kirill-zayavil-chto-khleb-i-vino-dlya-prichastiya-zashchishcheny-ot-covid19.html?fbclid=IwAR2FuAA6j5Mtw5g1xMFbjXvPmWVuBBdVFJuGq8-nkDC5BS5Tikt1ZKMAAuA> (accessed on April 29, 2021) (in Russian).
22. Rassel B. *Pochemu ya ne khristianin* [Why am I not a Christian]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1987, 340 p. (in Russian).
23. *Religiovedeniye: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Study of Religion: Textbook and Practice for academic bachelors]. Ed. Rakhmanin A.Yu. Moscow: Izd-vo "Yurayt", 2016, 307 p. (in Russian).
24. *Religioznost' v period pandemii* [Religiosity during the pandemic]. Available at: <https://www.levada.ru/2021/04/14/religioznost-v-period-pande> (accessed on April 27, 2021) (in Russian).
25. Titov R.S. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology]. 2013, no. 1, pp. 2–9 (in Russian).
26. *"Utverzhdeniya o predatel'stve Iudy po vole Iisusa Khrista v tekste apokrifа (Yevangeliya ot Iudy) net". Interv'yū Dmitriya Alekseyeva* ["There is no proclamation about Judas' betrayal according to the wish of Jesus Christ in the apocrypha (Gospel of Judas). Dmitry Alexeev's interview]. Available at: <https://pravtoday.ru/intervyu/> (accessed on April 28, 2021) (in Russian).
27. Shmelev I.M. *Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera* [Proc. of NITS Sociosphere conference]. 2012, no. 21, pp. 49–56 (in Russian).
28. Elbakyan E.S. *Religii narodov sovremennoy Rossii* [Religions of peoples in modern Russia]. Ed. Mchedlov M.P. Moscow: Izd-vo "Respublika", 1999, p. 170 (in Russian).
29. Engels F. *Yestestvoznaniye v mire dukhov in Marks K., Engels F. Sochineniya* [Works]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, vol. 20, pp. 373–383 (in Russian).
30. Mannheim K. *Essays on the Sociology of Culture*. Paris, London: Routledge a. Kegan, 1956, pp. 171–246.
31. Whitehead A. *Science and the Modern World*. Glasgow: Collins, 1975, 228 p.

*Submitted for publication: May 7, 2021.
Accepted for publication: August 9, 2021.
Published: September 28, 2021.*